

Начало национальностей в русском и немецком освещении ¹.

Что такое "национальность"? Ближайшим образом национальный союз определяется отрицательными признаками. Это есть союз, не обуславливаемый исключительно единством ни государства, ни происхождения, ни языка, ни религии. Государство может быть национальным, как, например, Италия или Франция, и антинациональным, как Турция или Австрия. Засим, говорить о происхождении, как об условии национального единства, может только тот, кто не обращает внимания на историю образования европейских народов. Начиная с того времени, как первобытный европеец охотился за мамонтом и пещерным медведем, и до современной эпохи, во всех странах Европы, даже таких, где ныне господствует наиболее полное единство национального сознания, происходило непрерывное смешение человеческих пород. Совершенно неправильно, поэтому, говорить о какой-то французской, немецкой или русской *породе* людей, как о чём-то связанном единством происхождения. Если и наблюдается в них известное внешнее единство национального типа, то оно является следствием или продолжительного единообразного скрещивания, т.е. фактом производным, а не первоначальным, или одинаковых привычек жизни, одежды и т.п. Странно, например, говорить о различии германской, славянской, венгерской крови, когда несомненно, что множество немцев - суть онемеченные славяне, а многие венгры - более славяне по происхождению, чем многие русские жители великорусских губерний. Равным образом, и *язык* далеко не всегда знаменует собою национальность. Двуязычие бельгийцев не препятствует им сознавать себя единою народностью и вместе защищать свою независимость от немецкого нашествия¹. Швейцарцы говорят на трех языках— немецком, французском и итальянском. Во Франции бретонцы² сознают себя французами, а эльзасцы³, несмотря на своё немецкое наречие, льнут к национальному единству с французами. С другой стороны, жители Соединённых Штатов отделились от одноязычных с ними англичан в особый народ. Притом нужно иметь в виду, что одноязычность многочисленного народа есть большею частью единство языка образования, прикрывающее собою нередко такое различие местных говоров, при котором жители разных местностей затрудняются понимать друг друга: такое явление замечается в Италии, Германии, Франции.

То же самое следует сказать о *религии*. Мы постоянно видим, что сила национального единения превозмогает различия вероисповеданий, а с другой стороны,— что единство веры не в состоянии преодолеть национальных различий. Так в Германии католическая партия (партия центра) представляет собою значительную политическую силу, с которою правительству приходится серьёзно считаться. Однако во всех вопросах, затрагивающих национальные интересы (увеличение флота, войска и т. п.), центр поддерживает правительство; равным образом ни в чём не видно, чтобы между немецкими и польскими католиками Германии существовала какая-либо близость. Принадлежность греков и болгар к православию не только не уменьшала их взаимной ненависти, но давала ей даже новую пищу, так как осложняла их национальную вражду стремлением болгар к созданию собственного епископата, независимого от константинопольского патриарха. Между православным русским и русским сектантом, конечно, более близости, чем между первым и греком или румыном.

Государство, порода, язык, религия становятся орудиями народного единения или разъединения лишь тогда, когда с ними в сознании народа соединяются дорогие для людей связывающие или разъединяющие их духовные интересы. Эти интересы *создаются историей*, связующим или разъединяющим действием которой и образуется национальность. Национальное единство есть порождение не единичных помянутых выше фактов, но культурно-исторических влияний, духовно связующих ту или иную совокупность людей. Определить *одним* признаком, что такое национальность, так же невозможно, как невозможно в области естествознания определить одним признаком, что

такое *вид*. Цвет, размер, форма и число органов имеют в установлении животных и растительных видов весьма различное значение, иногда существенное, иногда ничтожное. Поэтому зоологи и ботаники давно оставили попытки характеризовать понятие вида такими единичными признаками и остановились, в конце концов, на одном основании для признания видового единства: *к одному и тому же виду причисляются те неделимые, которые дают при скрещивании между собою плодовитое потомство*. Так и народное единство познаётся по его плодам, но как единство духовное, по *духовным плодам*, по духовной, сознательной близости людей, порождающей собою общие и дорогие им культурные результаты.

Но хотя ни один из перечисленных признаков сам по себе не определяет ещё существования национальности, однако, между ними есть один, *без которого национальность должна быть признана несуществующею*. Нация или народ есть некоторое *общество*. Как животное общественное, человек уже на низших ступенях своего развития образует общественные союзы с другими человеческими существами. Но все эти союзы имеют характер временный и непрочный, пока они не скрепляются *единством государства*. В истории человечества образованию национального единства всегда предшествует единство государства. Хотя это единство первоначально достигается через насилие, но оно, всё же, создаёт для известной части человечества некоторую общую *судьбу*, сближает её общими предприятиями и опасностями, вызывает в ней общие материальные, а затем и духовные интересы. Правда, государственное единство ещё не всегда приводит к единству национальному. Возникая насильственно и расширяясь путём завоевания, государственный союз в большинстве случаев не может совлечь с себя насильственного характера и потому насилием же сокрушается или, если даже избегает гибели, то остаётся существовать в виде бездушного конгломерата. Лишь в высших, наиболее одарённых частях человечества, и то лишь постепенно и с задержками государство может превратиться из *механического* в *органическое* целое, в союз *одухотворенный*, связанный не давлением власти, а добровольным решением граждан. Такое *одухотворение государства* и есть *национальность*. *Прогресс национальности есть прогресс одухотворения государства*, и конечным, ныне ещё далеко не достигнутым идеалом этого прогресса должно явиться вполне свободное исполнение людьми тех государственных функций, которые ранее того исполнялись ими по принуждению.

Признание государства за *conditio sin qua non*⁴ национальности даёт ключ к разрешению весьма существенных вопросов о том, имеет ли та или другая совокупность людей основание считать себя национальностью. Ни единство происхождения (племенное), ни единство языка или религии не создают ещё для некоторой части человечества национальных прав, если она не связана *действительным* или *потенциальным* государственным единством. Признак действительного существования государства не требует дальнейшего разбора, так как этот признак прямо удостоверяется фактом. Потенциальность же или возможность государства свидетельствуется *историею*, которая одна удостоверяет в том, что государство *было*, и что в сознании народа живёт стремление к его восстановлению; или если даже государства не было, что в населении предыдущего его историею развита достаточная привычка к политическому самоуправлению (как то имело место в английских колониях, образовавших впоследствии Соединенные Штаты). Так, например, различные вкраплённые в состав русского народа мелкие инородческие племена не суть национальности, хотя бы они и дорожили сохранением своего языка и своей веры, так как если у них и было некоторое подобие государств, то это подобие совершенно покрыто историческою давностью. Вопрос о том, можно ли считать малороссов особою национальностью, должен быть решён не на основании лингвистических соображений о том, есть ли малорусский язык особый язык или только наречие, так как имеется много примеров существования разных народностей, весьма близких или даже тождественных по языку. Ведь, и голландцы говорят на одном из северогерманских наречий⁵, а португальский язык есть наречие, тождественное с тем, на

котором говорят жители испанских провинций Галиции и Астурии⁶. Засим тождественные по языку жители Англии и Соединённых Штатов разделились на две разные нации. Поэтому и национальное право малороссов должно быть доказываемо не лингвистически, а исторически, путём исследования того, существовало ли малорусское государство 2) и есть ли в малорусском народе стремление и способность к его восстановлению.

Примером неправильного употребления термина “национальность” служит применение этого термина к *евреям*. Как бы ни отличались евреи от коренного населения обитаемых ими местностей по религии или (местами) по языку, они не составляют особой национальности, так как какие-либо мечтания о *еврейском государстве* очевидно неосуществимы. Поэтому невозможность для евреев приобщиться к чужой национальности и слиться с нею есть вечная непоправимая трагическая судьба еврейского племени⁷.

Насколько тщетна попытка создать национальное государство из племени, не имеющего привычек государственной жизни, доказывает неудача недавнего предприятия образования независимого албанского государства⁸. Национальность создаётся лишь историей, и искусственное нарушение хода последней приводит только к политической карикатуре.

Как действительное или потенциальное одухотворенное государство национальный союз есть союз *общественный*; и этим *национальность* отличается от *человечества вообще*, которое представляет собою лишь бесформенную собирательную массу, лишённую общественной организации. Выше было указано на то, что национальность также невозможно определить одним каким-нибудь признаком, как это невозможно сделать относительно животного или растительного вида. Но отсюда ещё не следует заключать, что национальность есть *вид в роде*, человечества. Ошибка Данилевского в его книге "Россия и Европа" состояла именно в том, что он понимал отношение человечества к нации, как отношение рода к виду, и общего к частному⁹. Род и вид суть классификационные группы, неделимые которых ничем реально не связаны, нация же есть *общество, органическая единица*. *Общество* животных есть не вид некоторого рода, но *стадо, табун, свора, птичий двор*; и в таком обществе могут сожительствовать животные разных видов. Вид "дургамской коровы" 3) не указывает ни на какое совместное сожительство неделимых этого вида; с другой стороны в стадо коров коровы дургамские могут сожительствовать с холмогорскими, а в случае нужды коровы могут даже пасти вместе с овцами.

Именно потому, что Данилевский считал "нацию" *видом в роду* человечества, ему не удалось надлежащим образом выяснить отношение национальных интересов к общечеловеческим. Он тщетно пытается доказать, что интерес *частного* может стать выше интереса *общего*¹⁰. Но постановка вопроса существенно изменяется, если понимать нацию, как *общество*, а человечество, как *неопределённую собирательную группу*. При таком понимании является сравнение уже не частного с общим, а *определённого с неопределённым*; и становится совершенно понятным не только, что определённое предпочтительнее неопределённого, но даже, что приносить пользу неопределённому можно лишь через определённое, что служить человечеству можно лишь через служение какому-либо общественному союзу. Противоречия между национальным и общечеловеческим при этом вовсе не оказываются, ибо национальность есть та форма, в которой человечество получает определенную организацию.

Противоречие существует не между началами национальности и человечества—вообще, но между началом национальности и тем искажением общечеловеческого начала, которое именуется *космополитизмом*. Самый термин „космополитизм” указывает на то, что тут понятие человечества проникается *политическим* оттенком, т. е. что возникает представление о некотором общечеловеческом *обществе*, служение которому поставляется выше, чем служение своему народу. Реально такого общечеловеческого общества не существует; но существуют известные *космополитические идеалы*,

стремление к которым может действительно идти в разрез с национальными целями. Простейший и наивный вид космополитического идеала состоит в мечтании о возможности *слияния человечества в единый государственный союз*, в котором исчезнет различие национальностей. Этот космополитизм заслуживает названия „наивного" по своей простодушной оторванности от реальной житейской почвы.

Национальность, как сказано, есть одухотворение государства; идеал этого одухотворения есть превращение насильственного политического единения людей в единение добровольное, свободное, непринудительное исполнение людьми своих государственных обязанностей. Этот идеал осуществим в той мере, в какой возможно достижение *равенства* людей — не по дарованиям, материальному или общественному положению,—но *по их политическому развитию*, по их самодисциплинированию, как граждан одного государственного целого. Такое самодисциплинирование есть то же, что развитие в себе сознания и привычек истинной свободы, сознания своих прав и обязанностей и твердой решимости соблюдать их. Поэтому одухотворение государства, превращение его в государство национальное осуществимо лишь в той мере, в какой осуществим такой истинно-свободный союз самодисциплинированных неделимых. Но ступень приближения к этому идеалу в разных частях человечества будет всегда различна, что зависит не только от культурной отсталости одних народов от других, но и от разной степени природной способности к самодисциплинированию в тех породах, из которых состоят разные народности. Поэтому общечеловеческий государственный союз всегда будет преткаться на такие различия в его частях, которые препятствуют их полному духовному общению. Свободное развитие национальных стремлений будет приводить, скорее, к дроблению народностей, чем к их соединению, т. е. разнородные в национальном смысле части государств будут склонны отделяться в самостоятельные народности, как это мы видим на примерах отделения Соединённых Штатов от Англии и Норвегии от Швеции ¹⁰. Притом кроме различия в степени духовности разные народы представляют собою и качественные различия, обусловленные их историею и препятствующие их духовному сближению.

Сознание неосуществимости общечеловеческого государства приводит к тому виду космополитизма, который, не мечтая о государственном единении народностей, смотрит на человечество, как на *культурный союз*, цели которого должны быть выше национальных целей. Этот космополитизм может быть назван *отрицательным* по отношению к государству, так как он направляется не к образованию новых государственных союзов, а к расслаблению существующих. Философия, наука, искусство, промышленность, торговля, говорят нам, хотя и вырастают на национальной почве, но по задаче своей космополитичны, так как плодами их пользуется всё человечество, и так как они связывают людей разных национальностей. Что существуют между людьми культурные связи внациональные, это неоспоримо. Но вопрос состоит в том, *что* для человека должно быть выше—эти ли общечеловеческие культурные интересы или интерес благосостояния его народа. При столкновении этих интересов с интересом национальным, чем должен жертвовать человек, своим народом или своими философию, наукою, искусством, промышленностью, торговлею? Философ, ученый, художник, промышленник, купец не должен ли быть, *прежде всего*, сыном своего отечества, а *потом уже* философом, ученым, художником, промышленником, купцом?

Обычное сознание отвечает на этот вопрос утвердительно, и оно в этом случае право. Во-первых, нужно иметь в виду, что ни наука, ни искусство, ни промышленность, ни торговля не могут быть целями *всякого* человека, так как не всякий есть ученый, художник, промышленник, купец; членом же национального союза, если он существует, бывает всякий. Стало быть, первые цели относятся к последней, как специальные к общей, и уже в этом заключается преимущество последней над первыми. Во-вторых, сами наука, искусство, промышленность, торговля вырастают под условием национально-государственной охраны, которая обеспечивает им безопасность и средства. Поэтому, в-

третьих, об общем, *хроническом* противополжении национальных интересов интересам науки, искусства, промышленности и торговли не может быть и речи; может быть речь лишь о временной заминке их в случае войны.

Но война не есть хроническое отношение между культурными народами; когда она оканчивается, то и культурный связи между ними восстанавливаются. Поэтому для *постоянного* противополжения национальности культурному космополитизму вовсе нет почвы; если же такое противополжено возникает, как явление временное, то обязанность национального самосохранения законно выступает на первый план.

В виду сказанного, противополжение вышеупомянутых общечеловеческих культурных целей требованиям национальности должно считаться не более, чем непродуманною фразою; эти цели реализуются именно в национальном союзе и вне его лишаются почвы для своего нормального расцвета. Но есть *два* общечеловеческих фактора, в которых нередко находит себе прибежище современный космополитизм: это *церковь* и *социализм*. Что касается церкви, то фактически она едва ли не в большинстве случаев являлась не врагом, а скрепою национальности, как, например, православная церковь в России или в значительной мере протестантство в германских странах, особенно в Англии. Но защитники верховенства церковного начала указывают на то, что такое положение церкви зависит от того, что она есть *недостаточно церковь*, что она не в должной мере владеет сознанием людей и потому вступила в компромисс с государством. По взгляду этих защитников церковь, как хранительница высших интересов людей, должна и в обществе занимать высшее положение, господствовать над государством, а потому, как союз международный, и над национальностью. Но если такова идея истинной церкви, то позволительно спросить, по какой причине эта идея не достигла, в христианском, по крайней мере, мире, своей реализации, т. е. по какой причине христианский мир не стал миром *теократическим*. Ссылаться в этом случае на то, что водворение теократии есть идеал, достижимый лишь путём постепенного исторического развития, нет основания, так как история обнаруживает, напротив, всюду крушение теократических тенденций. Начало теократии было провозглашено за господствующее в средние века римским католицизмом. Но осуществления такого господства и тогда не было. И тогда оставался, во-первых, восток, не подвластный католицизму и чуждый теократии. Во-вторых, в самом католическом мире дело повсюду сводилось к компромиссу между духовною и светскою властями, к *действительным* уступкам первой в пользу последней. А за сим, когда от католичества отделился протестантский мир, да и в самом католическом мире католицизм стал терять внутренний авторитет, то о господстве духовной власти над светскою не могло уже быть более и речи.

Современные защитники теократии не мечтают уже, поэтому, о *внешнем* подчинении государства церкви; такое подчинение они справедливо признают вредоносным для самой церкви, так как оно пронизало бы её несвойственным её духу характером насильственности. Теократия понимается ими теперь, как внутреннее проникновение государственной политики духом христианства¹¹. Но и это понимание теократии, при кажущейся своей возвышенности, не согласуется с требованиями культурного развития. По глубокому своему смыслу учение христианства есть учение *моральное*, а не *политическое*, т. е. служащее руководством для отношений *человека к человеку*, а не *человека к государству*. Что религиозные и государственные обязанности человека различны, видно из слов Евангелия об отдании Божьего Богу, а кесарева кесарю. Засим в Евангелии нет ни единого слова, из которого можно было бы вывести, хотя какие-либо, указания на государственное устройство и управление. Нет таких указаний и в последующих учениях церкви, но христианину вменяется в обязанность лишь покорность установленной власти, какова бы она ни была. И именно вследствие такого отрешения своего от политики христианство и открывает простор для прогресса человеческой культуры; ибо государственный союз есть нечто развивающееся, и потому закрепление какой-либо его формы религиозным авторитетом было бы такою же остановкою

прогресса государства, как религиозное закрепление известной ступени науки, искусства, промышленности остановкою их прогресса. Этим отличается христианство от мусульманства, которое подчинило религиозным указаниям государственный и общественный строй и, тем самым, в конце концов, привело его к застою.

Из сказанного становится понятным, почему возникающие временами попытки подчинить государственную жизнь требованиям христианской морали противны не только задачам государства, но и задачам самой церкви, как *общества*. Ибо, как *общества*, и церковь, и государство направляют действия человека к некоторому *целому*, моральные же требования христианства гласят лишь об обязанностях человека к человеку. Выставляя, как единственное начало, *любовь к ближнему*, эти попытки разрушают и церковный, и государственный союз. Церковь скрепляется не любовью к ближнему *вообще*; из состава этих ближних она выделяет *единоверцев*, т. е. лиц, связанных единством догматов и церковного управления, а на долю ближнего, вообще, оставляет только *излишек* того, что остаётся неиспользованным для единоверцев. „Всякий престаупающий учение Христово и не пребывающий в нём, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет и Отца, и Сына. Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того *не принимайте в дом и не приветствуйте его*” (Второе соборное послание Иоанна Богослова, главы 9, 10). „Какое согласие между Христом и Велиаром? Или *какое соучастие* верного с неверным?” (Второе послание к коринфянам, гл. VI, 15). „Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а *наипаче своим по вере*” (Послание к галатам, гл. VI, 10). Из этих авторитетных для христианина слов, очевидно, явствует, что *преимущество любви* принадлежит единоверцам. Превращая начало христианства исключительно в начало любви к ближнему вообще, мы, таким образом, уничтожаем церковь, как союз единоверия, как общество, распыляем её в нечто неопределённое, как это и делает, например, Толстой. Такой же результат получается при этом и для государства. Главное условие существования государства состоит в том, что его интересы возвышаются над интересами каждого входящего в его состав неделимого, что для сохранения своего государства каждый обязан жертвовать и имуществом, и жизнью. При грубом, механическом строе государства эта обязанность налагается на подданных внешнею властью; в национальном же государстве она должна опираться на добровольное согласие граждан. Но и в том и в другом случае сущность этой обязанности сводится к тому, что любовь к ближнему подчиняется требованию государственной пользы, что даже гибель ближнего находит себе оправдание, если она для государства необходима. Христианское правило: люби ближнего, как самого себя, сохраняет при этом свою силу. Но так как для человека есть нечто, что он должен любить *более*, чем самого себя, именно его *отечество*, то любовь к отечеству должна подчинять себе в сознании человека любовь к ближнему. Существование государства, как и существование церкви, одинаково требует, следовательно, подчинения моральных соображений соображениям общественным.

Итак, теократическая тенденция, в конце концов, уничтожает сама себя, индивидуалистически распыляя и государство, и церковь и погружая их в бесформенную неопределенность. Посмотрим теперь, каков мыслимый результат тех космополитических тенденций, которые группируются под знамя *социализма*. Социализм стремится заменить группировку *национальную* группировкою *классовою*, водворить международное объединение пролетариата в его борьбе с капитализмом. Истинная, реальная связь людей, по мнению современных социалистов, есть связь материальных интересов, которые тождественны у рабочих всех стран и потому должны более сближать пролетариев разных наций, чем пролетариев данной страны с их соотечественниками-капиталистами. Логически последовательное развитие этого положения должно состоять в отрицании патриотизма, в отказе от участия в защите своего отечества в случаях каких либо международных столкновений. События последнего времени показывают, однако, что социалистическая теория находит себе мало подтверждения на практике, так как рабочие всех стран, ныне вступивших в борьбу, с величайшим жаром и воодушевлением взяли

за оружие в защиту своих государств. Ясно, что в сознании тех частей человечества, которые всего более должны быть заинтересованы в успехах классовой борьбы, духовная связь по национальности оказывается, по крайней мере, в настоящее время, сильнее материальной связи по классовым интересам. Нет основания ожидать, чтобы и в будущем было иначе. Международное единство классовых интересов, будут ли то интересы капиталистов или рабочих, есть, в сущности, иллюзия. Как английский капиталист несколько не заинтересован в благосостоянии русского капиталиста, так и английский рабочий несколько не заинтересован в благосостоянии русского рабочего. Современная капиталистическая конкуренция приводит не к международному миру, а к непрерывной международной борьбе, выражающейся в усилении протекционизма и в стремлении вытеснить иноземных торговцев с международного рынка. Поэтому говорить о классовых интересах капиталистов, как об объединяющем космополитическом факторе, по меньшей мере, странно. Если капитал и космополитичен в том смысле, что погоня за высоким барышом пренебрегает границами национальностей, то результатом этой погони является, всё же, не мир, а борьба, борьба гораздо более злая и упорная, чем борьба национальностей; ибо последняя сама собою прекращается после справедливого размежевания национальных областей, а первая бесконечна и безысходна. Что же касается насим рабочего класса, то все возгласы о международном единении пролетариев имеют значение лишь риторических фигур. На деле всюду, где реально сталкиваются интересы рабочих разных наций, именно между ними-то и возникает злостное соперничество, являющееся естественным результатом того, что приток рабочих из менее культурных и более бедных стран понижает заработок местных рабочих. Это явление замечается в Америке, в Южной Африке, у нас на дальнем востоке. Везде усматривается, что рабочие более культурных стран заинтересованы в том, чтобы предложение труда было как можно строже замкнуто в национальные границы, ибо существование этих границ обеспечивает сказанным рабочим высоту заработной платы. О каком же международном единстве классовых интересов можно говорить при таких условиях?

Замена национальных интересов классовыми есть то же, что подчинение духовных целей общежития целям материальным. Если бы такое подчинение осуществилось, то его результатом был бы не всеобщий мир, а борьба всех против всех, крушение всех заветных культурных преданий и падение основанных на них науки и искусства. В основании такого материалистического воззрения на задачи культуры лежит, так называемый, *исторический материализм*, пытающийся доказать, что всё движение истории определяется, прямо или косвенно, экономическими причинами. Односторонность и натянутость этого понимания истории уже выяснились ныне для всех беспристрастных ученых, так что останавливаться долее на этой теме нет повода.

Изложенное выше понимание начала национальности небезынтересно сопоставить с тем его пониманием, которое содержится в вышедшей в 1914 г. книге немца Рюдорффера 1) "Основы мировой политики в настоящее время" ¹². Книга эта появилась до начала войны и не содержит в себе ни малейшего намёка на её близость. Нельзя сказать также, чтобы эта книга была проникнута односторонним немецким шовинизмом или содержала в себе вызов по адресу России. Тем не менее, эта книга в значительной степени проливает свет на внутренний источник современной великой распри, заключающийся в самых основах немецкого национального мировоззрения.

Согласно всему тому, что было сказано выше, задача национальной политики состоит в создании надлежащих условий для *самосохранения национальности*. Задаче этой несколько не противоречит то обстоятельство, что национальное государство есть не всегда государство существующее, но нередко государство восстанавливающееся, а иногда и возникающие вновь; ибо во всех этих случаях требуются условия для его будущего самосохранения. Самосохранение это не только пассивное, но и активное, т. е. оно направляется не только к обеспечению данного состояния общества, но и к приспособлению его к будущим случайностям. Чем выше по развитию какое-либо целое,

будет ли то единичный организм или общественный союз, тем более в нём активный характер самосохранения преобладает над пассивным. Устрица самосохраняется тем, что прячется в раковину, человек - тем, что развивает ум и волю для борьбы со всевозможными окружающими влияниями. Так и государство, чем выше ступень развития, на которой оно стоит, тем более направляет свои усилия к достижению такой внешней мощи и внутренней культурности, которые ограждали бы его не только на данное время и против данных опасностей, но создавали бы в нём силы для приспособления к возможно-отдаленному и разнообразному будущему. Истинное понятие национального самосохранения есть, следовательно, понятие деятельного приспособления к возможно широкому кругу условий народного существования. Если одним из средств такого приспособления оказывается распря между государствами, то первоисточником последней является не начало национальности, а его *нарушение*, зависящее оттого, что это начало проявляется в сознании людей лишь постепенно, путём борьбы против механического, насильственного строя государства. Пока национальное сознание ещё слабо, государственный союз может быть образован лишь насильственно. Этим насильственным путем механически склеиваются государства, которые, будучи образованы путём насилия, продолжают существовать в виде внешне соединенных конгломератов и даже расширяются или пытаются расшириться далее через завоевание новых инородных частей. Было время, когда большинство европейских государств имело характер таких конгломератов. Один из этих конгломератов—польское государство—подвергся крушению во второй половине восемнадцатого столетия. Ещё ранее началось постепенное крушение турецкого конгломерата, который—что касается его европейских и африканских частей,—ныне почти уже распался, так как в Европе остался, и то только пока, лишь небольшой, хотя очень важный участок в турецком владении. Остался не разбитым в главном своем составе только австрийский конгломерат, хотя и ему пришлось поступиться инородными ему итальянскими частями. Ныне возникает надежда на крушение и турецкого, и австрийского конгломератов, и осуществление этой надежды ознаменует собою расцвет новой национальной жизни для Европы и водворение в ней прочного мира.

Отсюда видно, что торжество начала национальности есть в конечном результате торжество начала мирного сожития народов. Проникаясь тем сознанием, что лучшею спайкою государственного союза служит единство национальности, т.е. основанного на истории единства культурных интересов, люди постепенно будут проникаться убеждением, что завоевательная по отношению к другим народам политика есть великий грех не только против них, но и против своего народа, так как её последствием является превращение прочного, обеспечивающего мир союза, в союз непрочный и приводящий к постоянному раздору. Правда, пройдет не мало времени, пока сгладятся следы прежнего грубо-насильственного космополитизма. Некоторые явления современной европейской жизни указывают даже на то, что завоевательная политика только перемещает ныне область своего распространения, так как европейское завоевание усиленно направляется теперь на необозримые пространства Африки и, отчасти, Азии. Этот процесс искания и эксплуатации колоний приводит ко многим прискорбным явлениям насилия над низшими и менее культурными племенами и отражается на самих завоевателях огрублением их нравов и усилением среди них господства материальных интересов. Но, во всяком случае, этот процесс совершается вне стран высшей культуры, да и жертвы его во множестве случаев едва ли к ней способны, и потому вторжение в их среду европейцев приводит лишь к замене своих тиранов чужими.

Нет ничего удивительного в том, что против такого взгляда на начало национальности, как на источник всемирного умиротворения, раздаются голоса именно из той страны, которая является ныне представительницею завоевательной политики. Упомянутый выше автор находит, что понятие самосохранения "ни исчерпывает собою стремления к жизни и искажает его сущность; из него никоим образом не может

проистекать понимание постановки человеческих целей, как индивидуальных, так и социальных. *Само* не есть нечто, что может быть сохранено, оно есть лишь постольку, поскольку оно раскрывает себя. Оно *становится* постольку, поскольку оно постоянно обновляется, и погибает, если оно остается постоянным. Его смысл состоит не в сохранении, но в обнаружении, в бесконечной воле к росту и к расширению без конца, к отдаленным, недостижимым, невозможным, целям. Нет ничего в природе, что желало бы только сохранить себя. Всё живое всегда стремится далее того, что оно есть в настоящем, дабы быть большим в будущем. Если нечто останавливается на чём-либо, то это есть лишь признак неспособности и слабости и сознание в бессилии достигнуть большего. Усталые люди и усталые народы могут смириться и заботиться лишь о сохранении того, чем они обладают; но это не смысл жизни, а лишь признак того, что жизнь их оставила или начинает оставлять. Природа поступает иначе. Её требование расти и становиться безгранично, её лоно постоянно создаст вновь постоянно новое; над всем тем, что остается неподвижным, она безжалостно проходит мимо. Она всегда на стороне сильной воли, и все её благодеяния связаны с возрастанием" (стр. 10—11). Но если смысл национальности состоит в бесконечном расширении, то выходит, что начало национальности есть начало непрерывной борьбы. „Все народы и нации, без сомнения, хотят расшириться экстенсивно и расти в ширину; они от века ведут борьбу за силу и пространство" (стр. 12). „Все нации, как нации, высокомерны, нетерпимы и односторонни; и это тем в большей мере, чем они более суть нации" (стр. 20). Поэтому „из самой сущности стремления к жизни проистекает соперничество народных идеалов, которое есть не только мирная, происходящая совместно конкуренция, но вечная, неизбежная и оправдываемая необходимостью борьба. При этом условии в основе взаимоотношений между народами лежит вечная и абсолютная вражда; и та вражда, которую мы замечаем повсеместно, и которая не хочет исчезнуть из политической жизни, что бы ни говорили и как бы ни боролись против неё пацифисты, проистекает не из несовершенства человеческих учреждений или порчи человеческой природы, а из сущности мира и из источников самой жизни; она есть не нечто случайное, преходящее и подлежащее прекращению, а нечто необходимое, могущее, быть может, быть отсроченным и отодвинутым назад, но затем вновь возникающее и приобретающее своё право, покуда существуют люди и народы. При этом условии в основе всякой фактической дружбы народов лежит скрытая где-либо идеальная вражда. Дружба народов может в таком случае иметь лишь двойкий характер: быть или отсрочкою вражды, или совместною враждою против кого-либо третьего, следовательно, имеет свой источник в предшествующих сочетаниях (сил) и с изменением их должна становиться враждою" (стр. 22—24).

„В природе национализма, говорит автор в другом месте (стр. 76), лежит стремление постоянно ставить свои цели шире и никогда не останавливаться. Он по своему понятию ненасытим. Национального единства для него недостаточно. Он хочет без перерыва распространять и расширять последнее".

Ясное дело, что этот взгляд на национальность зависит от узкого понимания начала самосохранения. Поскольку говорится о *самосохранении*, предполагается, очевидно, самосохраняющийся *субъект*, а не та или иная временная совокупность его состояний; последняя не только может, но и должна изменяться, так как субъекту именно для цели самосохранения приходится деятельно приспособляться к изменению условий его существования. Именно этого постоянного сохранения субъекта, в данном случае нации, при смене его состояний немецкий автор и не принимает во внимание. Он смотрит на нацию, как на нечто, стремящееся к постоянному расширению, к "отдаленным, недостижимым, невозможным целям". Но если цель стремления невозможна и недостижима, то самое стремление к ней бессмысленно. Идеал всякой человеческой деятельности мыслится, как такая цель, к осуществлению которой человек *постепенно приближается*, а не как такая, которая вечно остается в прежней отрешенности и отдаленности от действительности. В таком и только в таком постепенном осуществлении

идеала и состоит всякий прогресс; и если, в конце концов, достижение идеала остается неполным, то, всё же, расстояние его от действительности мыслится постепенно уменьшающимся. Говорим ли мы о прогрессе науки, или техники, или нравственности, мы всегда предполагаем, что учения науки *всё более и более* согласуются с идеалом истины, поведение людей — с идеалом добра, человеческая изобретательность — с идеалом господства над природою. Но если мы просто признаем истину, добро или господство над природою целями недостижимыми, то ни науки, ни нравственности, ни техники не окажется.

Таким же образом, и идеал национальности не есть нечто недостижимое, невозможное, но нечто постепенно осуществляющееся. Национальность самосохраняется в своём самоосуществлении в виде одухотворенного государственного союза. Полнота такого осуществления, быть может, и невозможна, но возможно постепенное приближение к нему, и в этом приближении состоит прогресс национальности. А чем государство будет становиться одухотворённее внутри, тем в большей степени и его отношения к другим государствам будут более проникаться началами миролюбия, так как всякое внешнее насилие отражается и внутри государства усилением грубости и жестокости, и так как всякое завоевание вводит в состав государства части не духовно, а механически с ним связанные. Поэтому торжество начала национальности есть торжество всеобщего и прочного мира. Элемент борьбы, состязания сил всегда останется действовать в жизни как единичного организма, так и союзов органических существ. Лишь борьбою упрочивается устойчивость и сила жизни. Но по мере постепенного одухотворения жизни жестокость и беспощадность этой борьбы должны постепенно ослабевать, и последствия её для побеждённых — становиться менее губительными.

Находя идеал национальности в постоянном и, в сущности, бесцельном расширении, немецкий автор не в состоянии установить и правильного отношения начала национальности к началу космополитизма. Так как каждая нация стремится, по его мнению, к постоянному расширению на счёт других, то идеал такого расширения должен мыслиться, как поглощение всего человечества одною нацией, осилившею все прочие. Возможно, что этот результат и не будет вполне достигнут, но, во всяком случае, единственно с его достижением может, с точки зрения Рюдорффера, прекратиться международная борьба, ибо пока он не будет достигнут, эта борьба неизбежно будет продолжаться. Но если так, то прогресс национального развития приводит к результату космополитическому, к тому, что "человечество понимается, как дальнейшая ступень развитая нации, как конечный пункт органического роста некоторого живого организма, долженствующего развиться до неё" (стр. 24). Смысл начала национальности получается при этом такой, что "человечество должно считаться последнею целью национального стремления, отправною точкою и границею того роста, посредством которого нация должна хотеть сама распространиться по всей земле и стать организациею человечества" (стр. 25). Таким образом, выходит, что национальность есть лишь средство для достижения космополитического результата, состоящего в том, что нация, обняв собою всё человечество, отождествится с последним. Начало человечества возвышается, следовательно, немецким автором над началом национальности и возвышается при том в форме грубого космополитизма, мечтающего о завоевании или об истреблении одною нацией всех прочих наций 4). При таком понимании начала национальности оно, конечно, не может считаться высшим началом сравнительно с началом общечеловечности, так как при этом понимании истинного одухотворения государства не может быть, и людям естественно искать спасения от союза, полагающего своею целью борьбу и завоевания, в каких-либо иных более одухотворённых и согласных с достоинством человека союзах.

Понимая национальность, как стремление постоянно расширяться за свои пределы, Рюдорффер, — несмотря на многие меткие замечания касательно современного международного положения, — не в состоянии, как следует, разобраться в вопросе о национальных задачах различных европейских государств. В определении этих задач ему

постоянно приходится впадать в противоречие со своею собственною теориею национальности, как стремления к постоянному расширению. Он начинает со стран Балканского полуострова и указывает на то, что победа Болгарии, Сербии, Черногории и Греции над Турциею была победою национального начала над антинациональным. В этой победе проявилась "воля к жизни, способность к жизни национальных государств, с одной стороны, и неспособность к жизни, необходимое падение не построенной на национальной основе европейской Турции, с другой стороны" (стр. 61). Но если безграничное расширение есть цель всякой нации, то не видно, почему турецкой империи должно быть отказано в наименовании национального государства. Турецкий народ обнаружил такую способность расширения за свои границы, равную которой трудно указать в каком-либо ином государстве, кроме римского. В самых азиатских своих владениях турки составляют меньшинство; между тем, это меньшинство завоевало Балканский полуостров, весь север Африки, владело Венгриею и южную Россию. С точки зрения Рюдорффера Турция должна считаться, поэтому, в высшей степени национальным государством. Очевидно, что здесь получается такая путаница понятий, разобраться в которой можно, только совершенно отказавшись от теории безграничного расширения и став на точку зрения национального самосохранения. С этой точки зрения завоевательный успех за *законными* этническими пределами должен считаться не прогрессом, а регрессом национальности. Пока эллины боролись с варварами за свою независимость, они исполняли национальную задачу; нельзя отрицать, что и объединение Греции под македонскою гегемонию было делом — хотя неполного — национального объединения. Но завоевание востока привело Элладу к расточению национальных сил и к перенесению центров эллинской культуры в инородные области, где эллинизм лёг на население лишь тонким наносным слоем, а коренной эллинский тип превратился через скрещивание в тип половинчатого метиса. И в Риме недаром старики сомнительно покачивали головой, когда молодежь перед началом пунических войн стремилась вмешаться во внетальянские дела; в этом колебании инстинктивно выразилось предчувствие того, что путь завоевания будет путём к разложению италийской народности, которое и в действительности впоследствии шло шаг за шагом с распространением римского владычества. Ни в чём не проявляется резче различие того национализма, который мечтает о расширении нации, от того, девизом которого служит её самосохранение, как в оценке плодов завоевательной политики.

Расширение национальности даёт прочные плоды лишь в том случае, если завоевание сопровождается ассимиляциею побежденных народностей с победителями. В турецком государстве эта ассимилирующая сила была слаба. Но если она бывает и велика, как то имело, например, место в римском государстве, то, во всяком случае, ей всегда поставлен предел. Если и можно без значительных натяжек говорить о слиянии Галлии и Испании в одну нацию с италийцами, то это слияние было уже гораздо слабее в Африке, и его вовсе не было на востоке, который и под властью Рима оставался покрыт поверхностным слоем эллинизации. Стало быть, в конечном результате безграничное расширение нации, во всяком случае, осуждено на неуспех. Следует прибавить к тому, что в новое время по мере усиления национального сознания совершается возрождение многих подвластных наций, примером которого являются народности Австро-Венгрии. Поэтому говорить в настоящее время о возможности безграничного расширения нации довольно рискованно. Ныне следует скорее ожидать возрождения, по-видимому, уже угасших в своей жизни наций, чем слияния существующих наций воедино. Следовательно, если даже согласиться с тем, что смысл национальности состоит в стремлении к безграничному расширению, то надлежит понимать это расширение лишь как процесс образования чисто внешних агрегатов; и пока эти агрегаты не разбиты, считать их государствами национальными.

При таком взгляде, вполне последовательно вытекающем из признания задачею национального государства стремление к бесконечному расширению, не видно, почему,

например, следует считать Австро-Венгрию в большей мере антинациональным государством, чем, положим, Францию и Италию. Напротив, несомненно, что в своей истории австрийская нация обнаружила более способности расширяться за свои пределы, чем нации французская или итальянская, и что первая, стало быть, лучше вторых исполнила свою национальную задачу. Если ныне австро-венгерский агрегат разбивается, то это крушение с рассматриваемой точки зрения так же мало должно считаться торжеством начала национальности, как и крушение турецкого агрегата; ибо весьма сомнительно, чтобы государства, которые возникли и возникнут на развалинах оттоманской империи и империи Габсбургов, проявили равную с этими империями силу расширения. Гораздо вероятнее, что эти государства останутся прочно заключенными в своих пределах. При понимании начала национальности, как начала самосохранения, это будет торжеством национального начала; а при понимании его, как начала безграничного расширения, это будет падением национального начала.

Что касается России, то в применении к ней особенно явно обнаруживается различие между двумя противоположными пониманиями начала национальности. Есть такой вид русского национализма, который мечтает для России об участи "третьего Рима", т. е. о насилии её над всем миром. Такое перенесение на современность идеалов грубого варварского времени едва ли требует опровержения. Другая, более умеренная завоевательная теория отождествляет русский национализм с панславизмом. Так поступает и немецкий автор. Да и нет ничего удивительного в таком смешении понятий со стороны иностранца, так как он в этом случае только вторит многочисленным голосам русской интеллигенции. Отношение к славянскому вопросу вообще есть лучшая проба для различения истины и лжи в понятии русской национальности. Если национальность есть одухотворение государства, и если поэтому истинно-национальное стремление должно основываться на *исторической* почве существующего или существовавшего или, по крайней мере, имеющего исторические основы *возможности* государства, то ложь панславизма очевидна. Никакого общеславянского государства никогда не было. Засим, конечно, возможно присоединение славянских областей к России путём завоевания так же, как возможно присоединение к ней и неславянских областей; но такое завоевание, поскольку оно препятствовало бы задаче одухотворения русского государства, т. е. духовному объединению его населения, без сомнения не согласуется с целями истинно-национальной политики. Культурное сближение славян будет совершаться гораздо успешнее в том случае, если они сохранят свои политически независимые национальные центры, чем в том случае, если они будут насильственно объединены. А что это объединение может быть только насильственным, ясно указывает сам Рюдорффер: „Панславизм русских, говорит он (стр. 71 и ел.), должно различать от панславизма нерусских славян. Для русских он есть идея русского руководства всеми славянами. Они все суть дети великой матери России, которая должна их защищать, но также и направлять. Поэтому русский панславизм есть не что иное, как русский национализм, проявляющий в первом свою расширяющую силу. Он имеет в виду только распространение русского владычества на нерусских славян; братство, о котором он говорит, есть присоединение к России. Русская идея расширяется в славянскую, но не первая должна перейти во вторую, а вторая в первую. Иное дело панславизм нерусских славян. Для них он есть не что иное, как право и притязание на русскую помощь". Но такая разнородность целей обоих видов панславизма образует ли благоприятные условия для общеславянского государства? Русской национальности, очевидно, нет никакого основания расширяться в какую-то несуществующую славянскую национальность. С другой стороны, ни чехи, ни сербы, ни болгары не проявляют ни малейшего желания превратиться в русских, и всякая попытка их обрусения была бы источником величайших затруднений для России и величайших страданий для них. Что же касается помощи со стороны России, то Россия достаточно сильна, чтобы оказывать такую помощь во всей той мере, какая согласна с русскими интересами. Благодаря России балканские славяне

достигли своего теперешнего положения. Совершающийся ныне разгром Австро-Венгрии даст национальную независимость и тамошним славянам, а русских и польских единоплеменников соединит с Россией и Польшею. Стремиться к большему было бы несогласно с требованиями истинного национализма.

Правда, общеславянское объединение обычно представляют себе не как насильственный акт завоевания, а как имеющую добровольно возникнуть федерацию славянских наций, в которой России будет, конечно, принадлежать первенствующее положение, но в которой, вместе с тем, сохранится самобытность каждого славянского народа. Однако позволительно спросить, для чего нужна такая федерация? Для культурного сближения она, очевидно, не нужна. Не нужна и для внешней самозащиты. Если славянские народы будут правильно соображать свои интересы, то они и так всегда будут на стороне России; если же, как это имеет теперь место в Болгарии, какой-либо из них подчинится враждебным России влияниям, то какой интерес для России вводить враждебные элементы в состав своего политического организма и тратить свои силы на их насильственное обуздание? Довольно с неё польского и финляндского вопросов. При том, такая федерация не имеет для себя никакой исторической аналогии. Всякая существующая ныне федерация есть произведение истории, которая может спаять федеративными узами даже разноплеменные народы, как то видно на примере Швейцарии. Но общеславянская федерация была бы чисто книжным, доктринерским порождением. Единственною её скрепою было бы, несомненно, существующее сродство славянских языков. Но, ведь, и латинские языки между собою и германские между собою сходны; однако не возникает же ни общелатинской, ни общегерманской федерации, а французы, итальянцы, испанцы с одной стороны, немцы, голландцы, шведы, датчане, норвежцы, англичане с другой довольствуются объединением в пределах своей национальности, национальности действительной, а не вымышленной.

Изложенного выше достаточно для понимания того, в чём истинный национализм отличается от ложного. Первый есть *сохранение своего*, второй — *захват чужого*. С точки зрения истинного национализма право национальности в сфер международных отношений столько же священо, сколько в области частных отношений священо право личности и собственности; и, потому, нарушение права национальности путём завоевания есть *тяжкое преступление*, соответствующее *увечью* и *грабежу* в области личных отношений. И чем результат современной великой распри будет более свободен от греха завоевания, тем более потоки проливаемой ныне крови подвинут человечество к состоянию прочного мира, основанного на правильном разграничении национальных областей.

Сохранению своего в широком значении этого слова означает и возвращение того, что было незаконно отнято. Поэтому воссоединение с Россией и Польшею отторгнутых от них исконных русских и польских областей, конечно, вполне согласуется с требованиями начала национальности. Совершив этот акт воссоединения, Россия только загладит грех минувшего завоевания, в котором она была, к сожалению, участницею и попустительницею. Но засим возникает вопрос, чем может быть оправдано ожидаемое присоединение к России Константинополя? Национального права на него Россия, конечно, не имеет, и потому такое присоединение является, бесспорно, захватом чужого. По этому поводу позволительно привести следующие соображения.

Ни по историческим основаниям, ни по составу населения Константинополь не может считаться законным достоянием какой-либо из существующих наций. Принадлежность его Турции основана на насилии и, потому, совершенно законно будет превращена силою же. Так как он был столицею Византийской империи, а в последней господство принадлежало греческой культуре, то наиболее близким предположением является отдача его грекам. Но дело в том, что Византия не была государством национальным. Она была таким же конгломератом народностей, как Австрия или Турция, и потому для восстановления её в прежнем составе нет никакого национального

основания. Чего в праве добиваться Греция в случае предстоящего разделения турецких областей, должно быть определено на основании этнического состава этих областей. Притом, решение этого вопроса зависит от того, примет ли Греция участие в войне против Турции и её союзников, так как в противном случае проливать кровь своих сынов ради греческих национальных идеалов державам четверного согласия, конечно, нет смысла. Обращаясь же к вопросу об этническом составе константинопольского населения, можно, насколько то позволяет неточность статистических данных, признать за вероятное, что, при самом благоприятном для греков расчёте, они составляют немного более одной трети этого населения; из остальных двух третей главную массу составляют мусульмане, именуемые вообще турками, и армяне. При таком составе населения Константинополь может считаться городом международным, который, как *res nullius*, принадлежит первому завладевшему им. Поэтому союзные державы в случае захвата ими Константинополя, в праве отдать его тому государству, которому он наиболее нужен, и владение которого им наиболее согласуется с международными интересами. Таким государством, естественно, является Россия, так как обладание Константинополем (с чем, конечно, связано обладание, вообще, Босфором и Дарданеллами) открывает для неё выход из Чёрного моря и, вместе, обеспечивает безопасность её юга, а с другой стороны, создаёт благоприятные для общеевропейской торговли условия вывоза русского хлеба. Не будь этих условий, присоединение Константинополя было бы для России лишь лишнею тяготою, так как оно без нужды усложняло бы и без того нелёгкое дело национального слияния разноплеменного русского населения.

Путь истории не только тяжёл сам по себе, но его тягота усиливается ещё тем, что на его протяжении приходится исправлять грубые ошибки прежней политики. И потому, сохраняя полную надежду на благоприятное разрешение для России и её союзников предпринятой ими великой задачи, нельзя не испытать скорбного чувства при мысли о том, в какой степени сама Россия и её теперешние союзники прежними своими действиями усложнили и затруднили это разрешение. Но теперь не время ни для бесплодных сожалений о прошлом, ни для упрёков. Будем только помнить о том, что для России настоящая война есть не просто результат столкновения грубых стихийных сил, но великая задача, которая должна быть разрешена согласно началу национальности.

Н. Г. Дебольский.

Примечания:

1) I.I.Ruedorffer, *Grundzüge der Weltpolitik in der Gegenwart*. Stuttgart und Berlin. 1914.

2) Нужно иметь при этом в виду, что факт бывшего, будто бы, малорусского государства никак нельзя удостоверить ссылкой на малорусское казачество. Казаки и в России, и в Польше были не государством, а лишь *сословием*. Сверх того, область малорусского казачества обнимает собою лишь меньшую часть территории, населённой малорусским племенем.

3) Я называю „дургамскую корову“ видом не в смысле зоологическом; зоология считает её разновидностью. Термин „вид“ имеет здесь лишь логическое значение, как частная группа в составе общей родовой группы „коровы“.

4) Следует отметить при этом явное противоречие, в которое впадает автор при установлении цели национального развития. Он указывает на эту цель, как на недостижимую, невозможную. Но в объединении всего человечества под властью одной национальности нет ничего принципиально невозможного. Может быть, такое сочетание сил, при котором и эта цель окажется вполне достижимой.

Примечания:

Статья публикуется по изд.: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1916 год. № 2 (февраль). стр. 183-207.

1. Бельгийцы делятся на две основные группы: фламандцы, которые занимают северную половину страны и говорят на фламандском языке и валлоны, которые населяют южную половину страны и говорят на французском языке. Большие группы населения Бельгии двуязычны и говорят на обоих языках.

2. Бретонцы - народность во Франции, проживают на полуострове Бретань. Потомки кельтских племен бриттов, переселившихся в V-VI вв. с Британских островов, и местных романизированных кельтов. Бретонский язык сохранился в обиходной речи, главным образом, среди крестьян и моряков.

3. Эльзасцы - народность, жители Эльзаса, национальное меньшинство во Франции, говорят на алеманском диалекте немецкого языка. Эльзасцы сложились на основе кельтских племен, испытавших влияние германцев. На этнонациональном самосознании эльзасцев отразилось их пограничное положение между Францией и Германией и переходы от одного государства к другому. В период германской аннексии Эльзаса (1871-1918) эльзасцы выступили против насильственного онемечивания.

4. Необходимое условие (лат.).

5. Нидерландский (голландский) язык - официальный язык Нидерландов и один из двух государственных языков Бельгии. Относится к западногерманской группе индоевропейской семьи языков. Распадается на группы диалектов: северно-западный, южно-центральный и юго-восточный.

6. Португальский язык - принадлежит к иберо-романской подгруппе романских языков. Галисия (Galicia) - автономная область в Северо-Западной Испании. Астурия (Asturias) - автономная область в Северной Испании.

7. В другом соч. "О высшем благе" (СПб., 1886 год. С.275) Н.Г.Дебольский выражается иначе: "Евреи весьма легко принимают языки тех народов, в среде которых они живут, но при этом обыкновенно сохраняют от них такую степень духовного отчуждения, что остаются в среде их особою народностью".

8. Албанцы в XVI- пер. пол. XIX вв. были в составе Османской империи. Во второй половине XIX в. возникает множество национальных восстаний и обостряется их борьба за национальную независимость. Поражение Турции в 1-вой Балканской войне в 1912 г. позволило Европейским государствам признать независимость Албании от Турции. Но фактически над Албанией был установлен протекторат шести империалистических держав (Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России, Франции).

9. См.: Н.Я. Данилевский "Россия и Европа", 6-е изд. СПб., 1995. С. 101-103. "Человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу, как родовое понятие к видовому; следовательно, отношения между ними должны быть те же, какие вообще бывают между родом и видом" (С. 101). В.С. Соловьёв также критиковал необоснованность этой аналогии, при-помощи которой Н. Я Данилевский доказывал, что человечество относится к нации как род к виду. Сам же он предложил вместо этой аналогии другую, не менее произвольную: "Я разумею взгляд, по которому человечество относится к племенам и народам, его составляющим, не как род к видам, а как *целое к частям*, как реальный живой организм к своим органам или членам, жизнь которых существенно и необходимо определять жизнью всего тела". См.: В.С.Соловьёв. Национальный вопрос в России//Соч. в 2 томах, Т.1. М., 1989. С. 380 и сл. См. также: Он же. Русская идея. М., 1994. С. 163-163; Он же. Оправдание добра//Соч. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С.377.

10. С. 189. Независимость США была провозглашена 4 июля 1776 г. на 2-ом Континентальном конгрессе, на котором была принята Декларация независимости. Великобританией независимость США была признана по Версальскому мирному договору в 1783 г. Норвегия, с кон. XIV в. бывшая датской провинцией, Кильским мирным договором Дании со Швецией в 1814 г. уступлена шведам "в полную

собственность". Шведско-норвежская уния была расторгнута Кастильскими соглашениями 1905 г., когда Норвегия фактически и юридически стала самостоятельным государством.

11. С. 191. Н.Г. Дебольский здесь имеет в виду теократическое учение В.С. Соловьёва и его последователей.

12. С. 195. Ruedorffer, J.J Grundzige der Weltpolitik in der Gegenwart. Stuttgart und Berlin. 1914. Рицлер (Riezler), Курт [Рюдорфер] (1882-1955) - немецкий дипломат, философ и публицист, придерживался либерально-монархических взглядов. С 1906 г. служил в политическом отделе министерства иностранных дел Германии. В 1915-1917 гг. являлся советником рейсхканцлера Германии Бетман-Гольвега, поддерживал проводимую им политику сотрудничества с правым крылом германской социал-демократии в 1-й мировой войне. В 1918 г. был советником Германского посольства в Москве. Автор ряда работ по вопросам мировой политики. (Выписки из этой книги сделал, между прочим, В.И. Ленин, охарактеризовав её как "претенциозную книжонку дипломата, закутывающего империалистические вожеления немецкой буржуазии фразами". См.: В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т 28. С. 529-533. См. также.: Т. 26 С. 249; Т. 36. С. 523.)